Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. No 2 | ISSN: 2658-7734
Интерфейсы в культуре | https://doi.org/10.46539/gmd.v7i2.653

Architecture as Interface: Connection, Disruption, Breakdown

Liubov I. Iakovleva

ITMO University. Saint Petersburg, Russia. Email: jakovleva.ljubov[at]yandex.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0002-2440-2923

Received: 1 March 2025 | Revised: 10 April 2025 | Accepted: 20 April 2025

Abstract

The article analyzes architecture as a special interface, presenting the concept of interface through the functions of linking and separating. These functions manifest themselves in various types of architectural space organization: firstly, as intermediary connecting residents with their culture and living space, and secondly, in the image of a smart home connecting the body, imagination, and technologies of the house into a single, continuous network. The article offers a critique of the logic of the interface, which assumes transparency and the effect of direct access to the image of a controlled and perfect life. To conduct a critical analysis, the problem of breakdown is introduced as a necessary condition for the existence of technologies and the material environment of human habitation. Based on the research of N. Thrift, the concepts of uninhabited space by G. Agamben and C. Boano, the processes of rupture and destruction of the material, and the ways of interaction of residents of crisis areas with their homes are analyzed as an alternative to the invisible interface of the smart home. Confrontation with biopolitical control mechanisms is a condition for a critical attitude to the treatment of the living space of the house. Alongside crisis housing forms, Diller and Scofidio's project is considered to further critique smart home architecture as an invisible interface closely linked to the power of visuality in a given space.

In the conclusion of the article, an inference is made about the role and function of architectural interfaces in organizing life and the possible strategies for critiquing the space of interfaces.

Keywords

Interface; Architecture; Linking; Separating; Immediacy; Transparency; Smart Home; Breakdown; Body; Uninhabited

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. No 2 | ISSN: 2658-7734
Interfaces in the Culture | https://doi.org/10.46539/gmd.v7i2.653

Архитектура как интерфейс: связь, разрыв, поломка

Яковлева Любовь Юрьевна

Национальный исследовательский университет ИТМО. Санкт-Петербург, Россия.
Email: jakovleva.ljubov[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2440-2923

Рукопись получена: 1 марта 2025 | Пересмотрена: 10 апреля 2025 | Принята: 20 апреля 2025

Аннотация

Статья посвящена анализу архитектуры как особого интерфейса. Понятие интерфейса представлено через функции связывания и разделения. Связывание и разделение проявляют себя в различных типах организации архитектурного пространства: во-первых, архитектура выступает в качестве посредника, связывающего жителей с их культурой и жилым пространством, во-вторых, они проявляют себя в образе умного дома, связывающего тело, воображение и технологии в единую, беспрерывную сеть. Целью исследования является критика логики интерфейса, предполагающую прозрачность и эффект непосредственного доступа к образу управляемой и совершенной жизни. Для проведения критического анализа вводится проблематика поломки как необходимого условия существования технологий и материальной среды обитания человека. На основе исследований Н. Трифта, понятий необитаемого пространства Дж. Агамбена и К. Боано анализируются процессы разрыва и разрушения материального, способы взаимодействия жителей кризисных территорий с их домами как альтернатива незримому интерфейсу умного дома. Противостояние биополитическим механизмам управления выступает условием для критического отношения к обращению с жизненным пространством дома. Наряду с кризисными формами жилья рассматривается проект Диллер и Скофидио для дальнейшей критики архитектуры умного дома как незримого интерфейса, тесно связанного с властью визуальности в данном пространстве. В заключении статьи делается вывод о роли, функции архитектурных интерфейсов в организации жизни и возможных стратегиях критики пространства интерфейсов.

Ключевые слова

интерфейс; архитектура; связь; разрыв; непосредственность; прозрачность; умный дом; поломка; тело; необитаемое

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Представление об архитектуре как об особом интерфейсе присутствует во многих трудах медиатеоретиков, архитекторов, урбанистов, прямо или косвенно обращающихся к сущности интерфейса в связи с тесным переплетением городского, архитектурного пространства и технологий (Baltazar, 2017; Friedberg, 2006; Hookway, 2014; Kazys, 2008; McCullough, 2005; Алиев, 2024a; Алиев, 2024b; Пучков, 2011). В предлагаемом исследовании мы обратимся к архитектуре как игровому интерфейсу и как прозрачному посреднику в технологиях умного дома. Данный ракурс позволит выявить важнейшие функции архитектурного пространства, а именно: связи и разрывы. Внешнее и внутреннее, единый план и открытая структура, реальное и воображаемое, я и другой находятся в различных отношениях связи и разрыва, которые раскрываются благодаря осмыслению роли интерфейса в организации пространства. Однако не только структурные элементы жизненного пространства представляют теоретический интерес, но и онтологические вопросы, связанные с проблемой жизни в современном городе и цифровом пространстве умного дома. Каким образом мы представляем себе жизнь в умном доме, лишенном помех, разрывов и поломок? Не является ли это представление областью воображаемой жизни, вписанной в прозрачность архитектурного интерфейса и делающего ставку на скорость и эффективность взаимодействия между нашим телом и окружающей средой? Опираясь на исследования Н. Трифта, Дж. Агамбена, К. Боано, мы представим возможные способы критики жизни как связного целого и выявим различные стратегии рефлексии поломок, уязвимости тела и жизненного пространства как необходимых условий понимания открытого пространства жизни человека.

Связывать/разделять

Приведем цитату медиатеоретика А.Р. Гэллоуэя, описывающего архитектурную метафору, присутствующую в понимании интерфейсов:

> Окна, двери, ворота аэропортов и другие пороги — это те прозрачные устройства, которые достигают тем больше, чем меньше они делают: за каждый момент виртуозного погружения и связности, за каждый момент объемной доставки, непрозрачности порог становится на одну ступень невидимее, на одну ступень неработоспособнее (Galloway, 2008).

Под неработоспособностью Гэллоуэй понимает такой тип функционирования интерфейса, который создает эффект «неработы», то есть процесса, полностью лишенного помех, поломок, сбоев. В то время как наше представление о работе какого-либо механизма с неизбежностью предполагает возможность его поломки или недостаточной эффективности, интерфейсы

стремятся к откладыванию поломки, к ее сглаживанию, в пределе — к абсолютно гладкой поверхности. Вместе с тем Гэллоуэй отмечает парадоксальность данной цели:

> ...однако само это достижение подрывает конечную цель: чем более интуитивным становится устройство, тем больше оно рискует вообще выпасть из медиа, стать таким же натурализированным, как воздух, или таким же обычным, как грязь. Таким образом, успех — это в лучшем случае самообман, а в худшем — самоуничтожение. Нужно усердно работать, чтобы отбросить сияние неработы (2008).

Несмотря на то что в дальнейшем Гэллоуэй критикует рассмотрение интерфейса как окна и обращается к другому пониманию данного феномена, мы проследим различные проявления эффекта «прозрачности» интерфейсов как такое сообщение, которое «прочитывается» при их использовании, как постоянно диктуемую нам логику взгляда и тела при любом обращении с теми или иными устройствами. Таким образом, мы не перестаем подмечать «сияние неработы», которая представляет собой утопию непосредственности — словно интерфейс, переставая быть посредником, срастается с «естественной» средой.

Подобная утопия связана с особым типом отношений в пространстве, которые можно выделить в качестве базовых отношений и функций как самого интерфейса, так и архитектуры как особой технологии по оформлению пространства: функций разъединения и связывания. Так, медиатеоретик Зигфрид Цилински утверждает относительно интерфейса:

> 1. Интерфейс — это то, что отделяет [одну вещь от другой]. В противном случае этот термин не имел бы смысла 2. Интерфейс — это то, что соединяет [одну вещь с другой]. В противном случае этот термин не имел бы смысла (Zielinski, 1997).

К данным постулатам он добавляет важный для нашего исследования пример:

> ...в эпоху барокко хрустальные люстры с их мириадами преломлений света, свисающие с потолков дворцов, функционировали как интерфейс, через который космос становился воображаемым из проливов частной и личной сферы (1997).

Следуя логике интерфейса, предложенной Цилински, проследим, каким образом посредством интерфейса архитектуры осуществляются операции отделения и связи, сцепки и расцепления. Исследуя различные подходы к исследованию феномена сцепки, связи и расцепления в организации социального пространства города, В. Вахштайн*[1] (Вахштайн*, 2024, с. 433) подчеркивает, что в зависимости от исследовательской оптики в анализе раскрывается как одновременность данных функций, так и смещение акцента в сторону одной или другой функции. Так, когда Зиммель анализирует роль моста

1 Признан иностранным агентом на территории Российской Федерации (далее в тексте данное лицо или организация будут помечены значком *)

в культуре человека, он видит, что мост выступает особым жестом сцепки — реакцией на разъединенные прежде берега, реакцией на сопротивляющуюся материю. С другой стороны, дверь разъединяет внешнее и внутреннее пространство, расцепляет монотонность стены (2024, с. 434). В отличие от зиммелевского подхода, в акторно-сетевой концепции пространства Бруно Латура фрагментация, расцепление выходит на первый план, связь является второстепенным феноменом на фоне постоянного разделения (Латур, 2006, с. 175). Однако, как подчеркивает В. Вахштайн*:

> …технические объекты работают в обе стороны: и на сцепление, и на расцепление порядков. Однако то же самое справедливо и в отношении объектов архитектурных — видеоконференцию можно провести лишь в подходящем для этого помещении, которое должно быть одновременно должным образом изолировано от внешнего мира и сцеплено с ним в релевантных отношениях (Вахштайн*, 2024, с. 439).

В качестве первого примера, демонстрирующего связку, сцепку и разрыв как важнейшие функции интерфейса, мы рассмотрим особый метод проектирования архитектурного пространства, понятого как интерфейс. Исследовательница архитектуры Ана Бальтазар, обращаясь к анализу подходов в обучении архитекторов, предлагает критику архитектурного обучения, в котором зачастую все еще преобладает необходимость создавать проекты в соответствии с существующими репрезентациями и нормами. В некоторых случаях, подчеркивает А. Бальтазар, «процесс проектирования, основанный на фиксированных нормах репрезентации, может быть… заменен непредсказуемым (non-predictive)… ненормативным процессом проектирования» (Baltazar, 2017). В этом отношении архитектура как интерфейс противопоставляется довлеющей модели репрезентаций, накладываемых на существующий ландшафт и напротив, «интерфейс в предлагаемом здесь смысле также является структурой, которая опосредует организацию пространств, не определяя их» (2017, p. 2). Так, предлагая студентам задание по проектированию зданий сельских школ в различных районах Африки, одним из важнейших методов Бальтазар называла метод Вальтера Сегала. В его принципе проектирования

> стены не являются несущими, поэтому их очень легко перемещать и собирать снова, что позволяет легко расширять дом или даже перестраивать его интерьер. <…> Из этого студенты укрепили идею о том, что можно спроектировать интерфейс, в этом случае имея своего рода конструктивный метод, способный принимать различные материалы, а также позволяющий местным жителям принимать решения о пространственном сочленении (2017, p. 5).

В данном случае рассмотрение архитектуры как интерфейса акцентирует функцию связи, а именно: более тесной связи жителей с их жизненным пространством и культурой посредством вовлечения их в процесс проектирования. Подобная связь-опосредование реализуется благодаря тому, что отсутствует заранее заданный и навязанный единый план проекта, исходящий из продиктованной парадигмы репрезентации пространства. Жители прини-

мают непосредственное участие в процессе проектирования в игровой форме и могут выбирать материалы, элементы конструкции и будущий образ организации пространства. Тем самым архитектурный интерфейс осуществляет функцию *разрыва* будущего проекта с единообразной, накладываемой на территорию нормой-образом. С другой стороны, открытость конструкции-интерфейса и вариативность при выборе будущего облика зданий позволяет осуществить более тесную и глубокую связь человека и жилого пространства.

Наряду с проблемой игрового интерфейса архитектуры необходимо обратиться к феномену умного дома как особого интерфейса жилого пространства. Умный дом как архитектурный интерфейс предполагает связанность моего тела и домашней обстановки, когда дом-машина максимально связан, сцеплен, образуя зону неразличимости технического тела дома и моего собственного тела, которое через жесты и голос управляет этим пространством. Приведем общее описание умного дома, которое предлагает архитектурный канал archdaily:

> ...вы можете наслаждаться повышенной безопасностью и удобством, дистанционно управляя электроникой — например, выключая оставленный включенным утюг, управляя сигнализациями или планируя включение и выключение наружного освещения в определенное время. Комфорт повышается за счет программирования кондиционирования воздуха, включения его за несколько минут до вашего прибытия, обеспечения более прохладной атмосферы... (Simões, 2023)

При этом управление «доверяется системе, которая может быть приложением на вашем телефоне, способным централизовать настройки и работу всех домашних устройств, от телевизора до гаражных огней» (2023).

Риторика безопасности и управления вписана в сообщение, которое несет в себе интерфейс умного дома, позволяя осуществить связь между человеком и воображаемым другим, связь, которая стремится к самоустранению, к абсолютной незримости. Подобная незримость создает эффект непосредственности, которую можно назвать «гипермедиальной... формой непосредственности: медиа прекращают играть роль расширений, инструментов, больше не встраиваются в окружающую среду, но сами становятся средой жизни» (Ленкевич, Латыпова, 2015). Таким образом ощущение присутствия интерфейса стирается, возвращая нас в утопию прямого действия непосредственного доступа. Однако здесь встает следующий вопрос: доступ к чему получает человек, обитающий в умном доме? Возможно, пользователь умного дома получает эффект непосредственного доступа к жизни воображаемой, сотканной из сети покладистой вещественности и мгновенной реактивности среды обитания. Следует подчеркнуть, что идея дома как незримого, неработающего интерфейса обнаруживает себя задолго до возникновения самого устройства умного дома и с особой отчетливостью проявляется в городском планировании Нью-Йорка, описанном урбанистом Р. Сеннетом.

Р. Сеннет показывает, что стремление планировщиков создать комфортный город, пронизанный автомобильными магистралями и посто-

янным движением людских потоков, отсылает нас к особой идеологии тела в эпоху Просвещения. Просвещение впервые открывает принцип телесного движения

> ...как новый принцип биологической активности. <...> ...пространство должно быть спланировано так, чтобы способствовать телесному движению и связанным с ним процессам дыхания... <...>. В результате переживания такой физической свободы движущийся человек чувствовал себя более самостоятельной, отдельной личностью (Сеннет, 2016, с. 449).

Для развития пространства Нью-Йорка было необходимым развитие автомобильных магистралей-артерий, способствующих беспрепятственному перемещению в городской среде. Однако, как отмечает Сеннет, «комфорт снижает и количество, и интенсивность возбуждающих стимулов» (2016, с. 449), то есть тело становится пассивным, уступая место отстраненному наблюдению стандартных территорий, которые доступны водителю автомобиля. При этом выработка такой отстраненной установки приводит к тому, что

> стремясь уяснить для себя сложную или непривычную ситуацию, индивид пытается как можно скорее категоризировать ее с помощью простых и обобщенных образов... <...> ...благодаря классифицирующей способности Воображаемого, человек блокирует дальнейшие внешние раздражители (2016, с. 450).

Для городского жителя упрощение и категоризация инаковости оборачивается тем, что он лишается возможности взаимодействия с чужаками, с людьми иной культуры, возможности выстраивать с ними открытый диалог. Симптомом разрастания сферы воображаемого становятся реакции тела, которое должно находиться на безопасной дистанции от неожиданных встреч, нежелательного касания, на отдалении от разрывов городской ткани. Описанное Сеннетом городское пространство Нью-Йорка в планах Мозеса приобретает *сцепленность* и однородность за счет автомобильных магистралей, которые тем временем становились интерфейсами воображаемого города, не давая доступа к фрагментированному и разнообразному пространству жизни.

Наряду с внутренней связностью как город, так и пространство умного дома осуществляют вторую функцию интерфейса: расцепления. Быстрое и беспрепятственное передвижение по городу является одним из способов отделения жизненного пространства жителя от вторжений инаковости; связанность и сцепленность внутри умного дома максимально фрагментирует жизненное пространство, *отделяя* внутреннее пространство дома от внешних факторов улицы. Так, Виктор Вахштайн*, исследуя проявления сцепки и расцепления, указывает на возможность окончательно «расцепить» пространство дома с внешним пространством улицы, если поддерживать освещение и циркуляцию воздуха исключительно внутренними ресурсами дома при помощи различных технических устройств. Тем не менее у подобного расцепления есть и оборотная сторона: пространство умного дома все больше

выстраивается вокруг различных интерфейсов во «внешний» мир — экранов телевидения, мониторов, экранов гаджетов. На данную трансформацию умного дома обратил внимание медиатеоретик Скот Маккуайр в своей работе «Медийный город». Маккуайр подчеркивает, что экраны выполняют роль особого окна, которое, однако, необходимо отличать от таких «аналогов» окна, как картины. Картина изначально являлась статичным объектом, соразмерным человеческому телу, органично встроенным в архитектурную постройку и ориентированным на позицию центрального наблюдателя, взгляд которого обращен к образу, расположенному «по ту сторону» рамы. Экран, в свою очередь, как замечает Маккуайр, предполагает логику кинематографа или окна едущего автомобиля — он представляет множество собранных фрагментов, различных перспектив, оторванных от человеческого тела и центрального наблюдателя. Подобная фрагментарность и множественность перспектив раскрывается в пространстве, где функция зрения переходит к самим техническим устройствам, а процесс наблюдения трансформируется в процесс поглощения. При этом предметом поглощения становится и сам дом, представленный на «сцене» многочисленных шоу и образов интерьеров.

> Оформляя мир в качестве серии событий, за которыми можно наблюдать из дома, оно одновременно способствует превращению интимной сферы в *событие*, за которым наблюдают другие. Воспроизведение домашней и семейной жизни — одна из главных тем телепередач, что подчеркивает взаимность отношений между домашним пространством действия и частной ареной потребления. <…> современный дом <…> в буквальном смысле превратился в сцену: часть экранного спектакля, доступного для повседневного потребления (Маккуайр, 2014, с. 169).

Посредством экранов пространство умного дома становится образом, поглощаемым извне и ломающим тем самым логику внутреннее/внешнее, тесно связанную с категориями частное/публичное. В результате создается впечатление, что для такого дома проблема разрыва с внешним полностью отпадает: он словно вывернут наизнанку, представлен публике и обозрению извне, которому не могут препятствовать никакие стены и ограды.

Архитектура как интерфейс на уровне умного дома, таким образом, осуществляет различные типы сцепки и расцепления: сцепки тела и дома как технического устройства, сцепки жестов и области воображаемого в форме dolce vita; но также и скрываемого расцепления: внутреннего пространства дома и инаковости внешнего пространства и, что еще более важно, пространства жизни воображаемой и жизни обитаемой.

Расцепление является не просто функцией, но скорее проблемой в работе интерфейса, полем для критического анализа пространства и связанного с ним тела. В отношении данной проблемы в городском пространстве Р. Сеннет замечает:

> Для того чтобы жители мультикультурного города не были безразличны друг к другу, нам… необходимо изменить понимание своего тела. <…>. Сострадание

> между горожанами возникает из такого физического осознания своей ущербности, а не из гражданских принципов или волевого решения творить добро (Сеннет, 2016, с. 456).

Данный вывод можно перенести и на пространство умного дома, который постольку незаметен, поскольку быстро отвечает на запросы, исключает неожиданные встречи материального в его стремлении к распаду, к постоянному превращению в руины. Житель такого дома отделен и становится буквально пользователем, вписанным в упомянутую выше логику управления и безопасности, располагая себя посреди пространства необитаемого.

Приблизиться к пониманию расцепления, распада между умным домом и домом обитаемым позволит проблематизация поломок, сбоев, разрывов в пространстве умного дома.

Разрывы и поломки

Ричард Сеннет предлагает пересмотреть взгляд на телесность человека с целью обнаружения альтернативных способов взаимодействия городского пространства и человека, а именно: открытие возможности уязвимости тела. Коррелятом уязвимости человеческого тела, с нашей точки зрения, может выступать уязвимость тела самого города и жилого пространства в целом. В этом отношении необходимо обратиться к проблеме поломки и ремонта, поставленной в одном из исследований британского географа Найджела Трифта. Проблема поломки, ремонта, разрыва связи поможет приблизиться к пониманию жилого пространства, и умного дома в частности, как «неработающего интерфейса»[1].

В статье «Неисправность: ремонтировать, поддерживать работу и понимать» Н. Трифт подчеркивает: как в исследовательской среде, так и на уровне существующих практик обращения с тем или иным жилым пространством или технологиями не уделяется должного внимания процессам ремонта, исправления поломок (Трифт, 2014). Трифт предлагает вернуться к идее поломки М. Хайдеггера и обратить внимание на значимость разрывов, постоянно воспроизводящихся в ткани жизненного мира. Напомним, что в «Бытии и времени» Хайдеггер описывает существование человека в его повседневном окружении как в некой сети отсылок, гарантирующих постоянство мира и отсутствие необходимости ставить под вопрос эту плотно сотканную сеть подручного (Хайдеггер, 1997). Тем не менее любая сеть склонна к сбоям, которые в тот или иной момент могут послужить условием для возможного вопрошания о несомненности прежде данного и устойчивого жизненного пространства. Поломка вещи, разрыв связей делает структуру потенциально уязвимой и дает возможность увидеть шаткость и уязвимость собственной позиции живущего в этом мире субъекта.

1 Данную формулировку использует А.Р. Гэллоуэй — unworkable interface.

Н. Трифт предлагает обратить внимание не столько на онтологические последствия для судьбы затронутого разрывами субъекта, сколько на необходимость существования самих поломок и их дальнейшего восстановления/ремонта. Мы обнаруживаем, что

> мир постоянно приходит в упадок. Всюду проникает влажность. Везде висит пар. Ото льда все промерзает. На поверхности образуется иней. Куски отрываются от целого. Материалы гниют. Насекомым надо питаться. Животные вечно что-то грызут. Любая разновидность жизни дикой природы ведет войну с любым видом производства. Люди допускают ошибки. Любое обветшание наносит собственный ущерб, оставляя по себе все новые «пустоты» (Трифт, 2014).

В данном случае сеть как связность практик, функционирующих технологий, связность внутреннего жилого пространства, прозрачная связность тела с технологиями сосуществует с их постоянным стремлением к саморазрушению, разрыву, распаду. Усилия, затрачиваемые на порой катастрофические последствия подобного самораспада, не менее значимы, чем тот результат связности и «сияющей неработы», который мы получаем в результате проделанных манипуляций по постоянному сшиванию, сцепке, сборке. Подобный акцент в анализе пространства возвращает нас к оптике, которую в свою очередь еще разрабатывал Г. Зиммель, указывающий на необходимость обращать внимание на существующее сопротивление материи (Зиммель, 1996, с. 227).

В этом отношении проблематизация ремонта и разрыва продолжает проблематизацию связи/разрыва, но уже не как функций интерфейса, а как условий возможности существования любого опосредования вне зависимости от того, говорим ли мы о цифровых технологиях или гниении обветшавшего дома. Следовательно, умный дом как интерфейс, который предлагает нам «непосредственный» доступ к «самому» жизненному пространству, требует иной установки и иного отношения к его прозрачности, принятия неизбывной уязвимости этой сети эффективных цифровых устройств, ремонт которых требует все более квалифицированного подхода и затрачиваемых сил на восстановление системы.

Незримость дома как интерфейса ставит под вопрос феномен обитания как такового и положение тела человека, отдающего команды — свету, воздуху, воде и другим ресурсам пространства. Возможно, если следовать этой изначально заданной логике интерфейса, такое пространство можно было бы считать необитаемым — не менее необитаемым, чем те или иные «не-места» города: от моллов до безликих площадей или переходов метро. Концепт необитаемости (Agamben, 2020), предложенной итальянским философом Дж. Агамбеном, свидетельствует о таком способе освоения пространства, которое захвачено и подчинено определенному пониманию жизни — голой жизни, вне ее инаковости, лишенной ее сложных связей с прошлым и открытости будущего, сведенной к жизни чисто биологической. Поэтому рассмотрение умного дома как прозрачного интерфейса в его однозначности и

«отзывчивости» свидетельствует о превращении дома в дом-призрак, подобно тому как человек, живущий жизнью биологической, не становится ни живым, ни мертвым, ни человеком, ни животным.

Критика такого обращения с жизненным пространством обращается к онтологическим вопросам о бытии и положении человека, вырабатывающего особую установку, предполагающую беспрепятственное взаимодействие с домом, как если бы жилое пространство могло полностью соответствовать ожиданиям пользователя, как если бы оно полностью находилось в его владении. Чем прозрачнее становится интерфейс дома, тем прозрачнее и призрачнее становится телесность жителя-пользователя, также исключающая неисправность собственных жестов. Смена оптики в пользу проблематизации уязвимости тела и постоянных разрывов в ткани домашнего мира позволяет осуществить «топологическую рефлексию»[1] (Савчук, 2012; Савчук, 2022), то есть рефлексию, направленную на переосмысление конкретных условий собственного существования.

Мы приведем два способа обживания пространства, которые позволят приблизиться к альтернативному способу отношения к архитектуре и возможностям обитания в ней, к переосмыслению ее роли как особого интерфейса, предоставляющего доступ к жизненному пространству. Первым примером послужит район Узаи в Бейруте, исследованием условий жизни которого занимается урбанист Камилло Боано. Вторым примером критики необитания может послужить проект архитекторов Лиз Диллер и Рикардо Скофидио (Lis Diller, Ricardo Scofidio) — Blur Building, представленный ими на выставке в Швейцарии в 2002 году.

Необходимость рассмотрения жилья в Бейруте связана с противопоставлением данного образа жизни тому образу, который мы можем наблюдать в архитектуре, работающей как идеальный цифровой интерфейс, лишенный поломок. Несмотря на кажущуюся невозможность сопоставления этих двух типов пространства, оба этих образа жилья имеют дело с проблемой необитаемости, которую мы постараемся раскрыть на данном примере. Возможность исследования бедных районов Бейрута с точки зрения центральных проблем биополитики Дж. Агамбена представлена прежде всего в трудах урбаниста Камило Боано (Boano, 2017; Boano 2020a; Boano 2020b), который применяет агамбеновские концепты к пространству архитектуры и городскому пространству. В своих работах Боано исследует прежде всего кризисные, маргинальные зоны — пространства для беженцев и городские проекты на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Европе.

В своих исследованиях Боано избирает ряд релевантных теоретических моделей, которые позволяют поставить под вопрос существующие этические ценности, поставить под вопрос задачи архитектуры и отношение к ней чело-

1 Топологическая рефлексия — концепт философа В. В. Савчука, представляющий особый тип рефлексии, «которая постулирует исходить из центра событий, анализировать, опираясь на целостность мировосприятия, телесную рецепцию и внимание к самоощущению» (Савчук, 2022, с. 11).

века. Интерес К. Боано к бедному району Бейрута Узаи продиктован своеобразием тех социальных связей, культурных практик и обращения с материальностью, которые сложились на данной территории. По большей части жители района — беженцы из Сирии, возводящие, ремонтирующие и поддерживающие жилье собственными силами. Как подчеркивает Боано:

> Характерная неформальная структура и существование ряда социальных сетей и инфраструктур в Узаи обеспечили перемещенным лицам альтернативный доступ в город, позволив им скрыться от взгляда аппарата гуманитарной помощи, который сводит их к статистике и еще больше усугубляет их уязвимость. <...>. Беженцы участвуют в производстве временного жилья в двух формах, во-первых, между владельцами и бывшими сирийскими беженцами и, во-вторых, между самими беженцами. Получающийся в результате несовершенный коллектив защищает сирийских беженцев от возможной социальной дискриминации или политических угроз. Узаи предоставляет им достаточную *«непрозрачность»* (*курсив мой — Л.Я.*), чтобы защитить отношения и свое пребывание в городе (Boano, 2020a, p. 1–2).

Здесь мы видим, что совместное проживание в тяжелейших условиях, признание хрупкости жилья и сплоченности внутренних социальных связей отделяет жителей района от гуманитарной помощи, от тех механизмов управления их жизнью, которые превратили бы ее в исключительно биологическую категорию, в жизнь особой части населения, нуждающейся в материальной помощи. Вместо этого жители района основывают свою жизнь на этических принципах, главными чертами которых Боано считает следующие:

> ...способность заботиться и соединяться, способность ремонтировать, выдерживать и держаться вместе, а также способность воображать и экспериментировать с альтернативными жизненными силами, чтобы противостоять политике угнетения и капиталистическому извлечению ценностей. <...>. Жилище может стать территорией, где практики заботы, ремонта и воображения формируют обновленную политику и онтологию живого (2020a, p. 4).

Таким образом, мы видим форму топологической рефлексии, которой обладает житель такого пространства, которое изначально мало напоминает территорию, предназначенную для обитания. Подобное необитаемое пространство при всей его уязвимости, при всех трудностях выживания в таких условиях, при всей несвободе от угнетающей и разрушающейся материальности оборачивается собственной противоположностью, позволяя реализовать особую «возможность не...», то есть возможность не быть встроенным в заданные механизмы статистического учета биологического существования. Пример с Узаи является радикальным и крайним проявлением противостояния «необитаемости», пересмотра жилого пространства вопреки механизмам, превращающим жизнь человеческую в жизнь полуживотную. В этом отношении само архитектурное пространство и организация материального обладает внутренней открытостью, оно всякий раз может стать условием для критического отношения к тем или иным внешним техникам организации жизни, сведения ее к единообразию. Если на другом полюсе необитае-

мости мы сталкиваемся с современным цифровым интерфейсом эффективных средств умного дома, то это не меняет изначальной «возможности не...», которая может проявляться в особой оптике, в незабвении хрупкости любых опосредований, даже если их изначальная логика диктует прозрачность и призрачность материального.

Вторым примером, который позволяет сместить акцент с незримости архитектурного интерфейса в пользу изначальной неустойчивости жилого пространства, будет упомянутый выше проект бюро Diller Scofidio + Renfro в Швейцарии, который стал знаковым объектом выставки 2002 года. Выставочный павильон Blur Building, созданный из конструкции без стен и крыши, но создающий ощущение присутствия здания за счет пара и воды. Само это сооружение находилось над озером, зайти в него было можно по специальным пандусам, ведущим с берега. При этом в поддержании сооружения из пара и воды использовалось большое количество технических приспособлений для взаимодействия ветра, воздуха, воды, давления, температуры и других элементов.

Рисунок 1. Павильон «Blur Building» для выставки. Архитекторы Diller & Scofidio. Ивердон-ле-Бен, Швейцария, 2002[1].

Figure 1. Pavilion "Blur Building" for the exhibition. Architects Diller & Scofidio. Yverdon-les-Bains, Switzerland, 2002.

С одной стороны, технологии, выполняющие функцию интерфейса, также оставались вне поля зрения посетителей, но с другой — они позволяли осуществить эстетическое высказывание о границах зримости как таковой: в таком

1 Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Blur_Building#/media/File:20020717_Expo_Yverdon_23.JPG © 2006 Norbert Aepli, Switzerland [CC BY 2.5 (https://creativecommons.org/licenses/by/2.5)]

сооружении восприятие, не находя точки опоры, постоянно утопая в паре и воде, «сталкивается» с зависимостью от зримости и пониманием собственной ограниченности. Тем самым данный проект рефлексирует власть зримости, которой пронизано большинство наших сооружений и технологических приспособлений, в то время как телесность и незримость выступают постоянно упускаемыми феноменами чувственности.

Описание своего проекта архитекторы предваряют следующим рассуждением:

> Размывать означает делать нечетким, затемнять, окутывать, затуманивать, делать неопределенным. Размывание часто ассоциируется с ошибкой: неисправная камера создает размытое изображение. Размытое зрение считается нарушением зрения. Однако существуют и позитивные способы думать о размытии. Размытие движения было техникой, используемой фотографами-футуристами, которые стремились выразить физическое движение в пространстве. Размытие является стандартной функцией в программном обеспечении для редактирования изображений. Объективы камер в Японии оцениваются по согласованности размытия (Diller, Scofidio, 2002).

С нашей точки зрения, данный проект позволяет вернуться к пониманию уязвимости домашнего пространства и нашего собственного тела, несмотря на прозрачность интерфейсов и совершенствующиеся цифровые устройства, встроенные в жилое пространство.

Выводы

Подводя итоги проделанного исследования, следует указать на то, что рассмотрение архитектуры как особого интерфейса является достаточно продуктивной теоретической моделью, позволяющей раскрыть различные способы взаимодействия человека и его жизненного пространства. Для анализа архитектуры как интерфейса мы избрали два типа архитектурных интерфейсов: как подвижной игровой структуры и как цифрового посредника в пространстве умного дома. Архитектура как игровой интерфейс послужила отправным пунктом исследования, в то время как дальнейший анализ был посвящен в большей степени аналитике умного дома, его возможной критике. В обоих случаях в качестве базовой функции интерфейса были рассмотрены функции сцепки и разъединения, которые присутствуют на различных уровнях работы интерфейса и технологий в целом. Как игровой интерфейс архитектура осуществляет фрагментацию единой модели репрезентации, производя тем самым *разрыв* единого образа, структуры и *связь* архитектурного проекта с конкретными условиями существования самих жителей. Архитектурный интерфейс умного дома осуществляет внутреннюю связность пространства на уровне команд и жестов человека, также он обеспечивает *связность* жилого пространства с областью воображаемого — с идеей жизни без поломок, сведенной прежде всего к безопасности и благосостоянию. Вместе с тем

он позволяет *разрывать*, *фрагментировать* пространство внутреннее и внешнее, поскольку обеспечивает комфортную среду, слабо связанную с внешними событиями улицы. Мы показали, что такая логика интерфейса требует критики, смены оптики по отношению к пониманию жизненного пространства и собственного тела. Осуществить данную критику нам помог концепт поломки и феномен ремонта, описанный Н. Трифтом, который проблематизирует необходимость поломки как разрыва, сосуществующего с общей связностью пространства города, техники и архитектуры. Мы показали, что осмысление поломок, неподатливости материальности, сбоев цифрового позволяет уйти от утопии владения пространством и собственным телом. Такой подход в корне меняет отношение к пониманию жизни, которая перестает быть образом биологической dolce vita, но устремляет человека к открытой, изменчивой и неконтролируемой жизни: внимательному отношению к жизни собственного тела, дома или города. Примерами критического обращения с жилым пространством и архитектурой нам послужили исследования района Бейрута с точки зрения его противостояния биополитическим механизмам управления и проект Diller Scofidio + Renfro, переосмысляющий отношение между архитектурной материальностью и нашей зависимостью от визуальных форм обращения с пространством.

Список литературы

Agamben, G. (2020). *Inhabiting and Building*. Ill Will. https://illwill.com/inhabiting-and-building

Baltazar, A. P. (2017). Architecture as interface: A constructive method for spatial articulation in architectural education. *Architectural Research Addressing Societal Challenges*, 1099–1106. https://doi.org/10.1201/9781315226255-170

Boano, C. (2017). *The Ethics of a Potential Urbanism: Critical encounters between Giorgio Agamben and architecture*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315542218

Boano, C. (2020). Forms of (Collective) Life: The Ontoethics of Inhabitation. *Architecture and Culture*, 8(3–4), 549–563. https://doi.org/10.1080/20507828.2020.1802199

Boano, C., & Astolfo, G. (2020). Inhabitation as more-than-dwelling. Notes for a renewed grammar. *International Journal of Housing Policy*, 20(4), 555–577. https://doi.org/10.1080/19491247.2020.1759486

Diller, L., & Scofidio, R. (2002). *Blur Building*. Dsrny. https://dsrny.com/project/blur-building

Friedberg, A. (2006). *The Virtual Window: From Alberti to Microsoft*. MIT Press.

Galloway, A. R. (2008). The Unworkable Interface. *New Literary History*, 39(4), 931–955. https://doi.org/10.1353/nlh.0.0062

Hookway, B. (2014). *Interface*. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/9919.001.0001

Kazys, V. (2008). *Networked Publics*. MIT Press.

McCullough, M. (2005). *Digital Ground. Architecture, Pervasive Computing, and Environmental Knowing*. MIT Press.

Simões, D. (2023). *How to Create a Smart Home: A Complete Guide for Beginners in Home Automation*. ArchDaily. https://www.archdaily.com/1010597/how-to-create-a-smart-home-a-complete-guide-for-beginners-in-home-automation

Zielinski, S. (1997). *Art and apparatus (a flusserian theme) plea for the dramatisation of the interface*. Interface Critique. https://interfacecritique.net/journal/volume-1/zielinski-art-and-apparatus/

Алиев, Р. Т. (2024a). За гранью юзабилити: Критический анализ исследований интерфейса. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 223–259. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.493

Алиев, Р. Т. (2024b). Интерфейс как зеркало: Рефлексия индивидуального и коллективного. *Философия и Культура*, 3, 82–97. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2024.3.70212

Вахштайн**, В. (2024). *Воображая город*. Новое литературное обозрение.

Грэхем, С., & Трифт, Н. (2014). Неисправность: Ремонтировать, поддерживать работу и понимать. *Неприкосновенный Запас*, 2(94).

Зиммель, Г. (1996). *Руина*. Юрист.

Латур, Б. (2006). *Когда вещи дают отпор: Возможный вклад «исследований науки» в общественные науки*. Территория будущего.

Ленкевич, А. С., & Латыпова, А. Р. (2015). Интерфейс как предмет рефлексии. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 2(2), 181–190.

Маккуайр, С. (2014). *Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство*. Strelka Press.

Пучков, М. В. (2011). Интерфейсная модель архитектуры. *Академический Вестник УралНИИпроект РААСН*, 2, 57–60.

Савчук, В. В. (2012). *Топологическая рефлексия*. Канон+.

Савчук, В. В. (2022). *Забор как равновесие сил*. Академия исследования культуры.

Сеннет, Р. (2016). *Плоть и камень*. Strelka Press.

Хайдеггер, М. (1997). *Бытие и время*. Ad Marginem.

** – Признан иностранным агентом на территории РФ

References

Agamben, G. (2020). *Inhabiting and Building*. Ill Will. https://illwill.com/inhabiting-and-building

Aliev, R. T. (2024a). Beyond Usability: A Critical Analysis of Interface Research. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 223–259. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.493

Aliev, R. T. (2024b). Interface as a Mirror: Reflexivity of the Individual and the Collective. *Philosophy and Culture*, 3, 82–97. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2024.3.70212

Baltazar, A. P. (2017). Architecture as interface: A constructive method for spatial articulation in architectural education. *Architectural Research Addressing Societal Challenges*, 1099–1106. https://doi.org/10.1201/9781315226255-170

Boano, C. (2017). *The Ethics of a Potential Urbanism: Critical encounters between Giorgio Agamben and architecture*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315542218

Boano, C. (2020). Forms of (Collective) Life: The Ontoethics of Inhabitation. *Architecture and Culture*, 8(3–4), 549–563. https://doi.org/10.1080/20507828.2020.1802199

Boano, C., & Astolfo, G. (2020). Inhabitation as more-than-dwelling. Notes for a renewed grammar. *International Journal of Housing Policy*, 20(4), 555–577. https://doi.org/10.1080/19491247.2020.1759486

Diller, L., & Scofidio, R. (2002). *Blur Building*. Dsrny. https://dsrny.com/project/blur-building

Friedberg, A. (2006). *The Virtual Window: From Alberti to Microsoft*. MIT Press.

Galloway, A. R. (2008). The Unworkable Interface. *New Literary History*, 39(4), 931–955. https://doi.org/10.1353/nlh.0.0062

Graham, S., & Thrift, N. (2014). Troubleshooting: Repair, maintain operation and understand. *Neprikosnovenniy Zapas*, 2(94).

Heidegger, M. (1997). *Being and time*. Ad Marginem.

Hookway, B. (2014). *Interface*. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/9919.001.0001

Kazys, V. (2008). *Networked Publics*. MIT Press.

Latour, B. (2006). *When Things Fight Back: The Possible Contribution of "Science Studies" to the Social Sciences*. Territoriya buduschego.

Lenkevich, A. S., & Latypova, A. R.. (2015). Interface as an Object of Reflection. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2(2), 181–190.

McCullough, M. (2005). *Digital Ground. Architecture, Pervasive Computing, and Environmental Knowing*. MIT Press.

McQuire, S. (2014). *The Media City. Media, architecture and urban space*. Strelka Press.

Puchkov, M. V. (2011). Interface Model of Architecture and Methods for the Forming of Modern Urban Space. *Akademicheskij Vestnik UralNIIproekst* RAASN, 2, 57–60.

Savchuk, V. V. (2012). *Topological reflection*. Canon+.

Savchuk, V. V. (2022). *Fence as a balance of forces*. Academy of Cultural Research.

Sennett, R. (2016). *Flesh and stone*. Strelka Press.

Simmel, G. (1996). *Ruin*. Yurist.

Simões, D. (2023). *How to Create a Smart Home: A Complete Guide for Beginners in Home Automation*. ArchDaily. https://www.archdaily.com/1010597/how-to-create-a-smart-home-a-complete-guide-for-beginners-in-home-automation

Vakhstein**, V. (2024). *Imagining the city*. New Literary Review.

Zielinski, S. (1997). *Art and apparatus (a flusserian theme) plea for the dramatisation of the interface*. Interface Critique. https://interfacecritique.net/journal/volume-1/zielinski-art-and-apparatus/

** – Recognized as a foreign agent on the territory of the Russian Federation